

1.

Иммануиль Кантъ.

Идея всеобщей исторіи.

1.
Исторический музей

Исторический музей
Исторический музей

ВВЕДЕНИЕ *).

Какого бы понятія ни составить себѣ метафизически о свободѣ воли, необходимо, однако, признать, что проявленія послѣдней, человѣческіе поступки, подобно всякому другому явленію природы, опредѣляются общими естественными законами. Исторія, занимающаяся изученіемъ этихъ проявленій—какъ бы глубоко ни были скрыты ихъ причины—позволяетъ думать, что, если бы она разсматривала всю совокупность человѣческой дѣятельности, то могла бы открыть ея закономѣрный ходъ; и то, что въ глазахъ единичнаго человѣка представляется запутаннымъ и неправильнымъ, можно было бы признать, по отношенію ко всему роду человѣческому, какъ неизмѣнно поступательное, хотя медленное, развитіе его первичныхъ способностей. Такъ, браки, обусловливаемые ими рожденія и смерти, на которыя свободная воля человѣка имѣетъ столь большое вліяніе, кажутся неподчиненными никакому правилу, на основаніи котораго можно было бы напередъ математически опредѣлить ихъ число. Между тѣмъ, ежегодныя таблицы этихъ событій въ большихъ странахъ показываютъ, что они также протекаютъ согласно постояннымъ законамъ природы, какъ тѣ столь измѣнчивыя погоды, которыя въ единичныхъ случаяхъ нельзя заранѣе опредѣлить, но которыя въ общемъ, тѣмъ не менѣе, непрерывно и равномѣрно поддерживаютъ произрастаніе злаковъ, теченіе рѣкъ и другія явленія природы. Отдѣльныя личности и даже цѣлыя народы мало думаютъ о томъ, что, когда они, каждый по своему усмотрѣнію и часто въ ущербъ другимъ, преслѣдуютъ свои собственныя цѣли, то въ своемъ поступательномъ движеніи, сами того не вѣдая, идутъ, точно за путеводной звѣздой, по пути, предначертанному природой, и способствуютъ исполненію тѣхъ задачъ, которыя, если бы они ихъ узнали, оказались бы для нихъ даже мало пригодными.

Такъ какъ люди въ своихъ стремленіяхъ дѣйствуютъ въ общемъ не исключительно, какъ животныя, инстинктивно, но также не какъ разумные граждане міра, сообразно предварительно разработанному плану, то кажется, что и не можетъ быть о нихъ планомѣрной исторіи (въ родѣ какъ о пчелахъ или бобрахъ). Нельзя отдѣлаться отъ нѣкотораго неудовольствія, когда видишь ихъ образъ дѣйствій въ большомъ міровомъ масштабѣ. Временами тамъ и сямъ обнаруживающаяся мудрость единичной личности тонетъ въ цѣломъ, сотканномъ, въ конечномъ счетѣ, изъ глупости, ребяческаго тщеславія, часто также изъ ребяческой злобы и страсти къ разрушенію. И, въ концѣ концовъ, не знаешь, какое себѣ составить понятіе о нашемъ родѣ, столь убѣжденномъ въ своихъ преимуществахъ. Для философа здѣсь

*) Настоящая статья Канта, какъ и слѣдующая (Предполагаемое начало исторіи человечества) переведены съ нѣмецкаго. Изд. Hartenstein, Лейпцигъ, 1867 г.
Пер.

не остается другого исхода, какъ отказаться отъ мысли найти у людей и въ совокупности ихъ поступковъ какую-нибудь разумную собственную цѣль и попытаться открыть въ этомъ бессмысленномъ ходѣ человѣческой дѣятельности предначертаніе природы, на основаніи котораго о существахъ, дѣйствующихъ безъ собственного замысла, была бы все-таки возможна исторія согласно определенному плану природы.

Мы хотимъ посмотрѣть, удастся ли намъ найти путеводную нить для такой исторіи, и предоставить тогда природѣ произвести того человѣка, который былъ бы въ состояніи ее написать. Такъ, она создала Кеплера, подчинившаго неожиданнымъ образомъ эксцентрическіе пути звѣздъ точнымъ законамъ, и Ньютона, объясниващаго эти законы общей естественной причиной.

Первое положеніе.

Всѣ естественныя способности существа предназначены однажды совершенно и цѣлесообразно развиться. Внѣшнее, какъ и внутреннее, или анатомическое наблюденіе надъ всѣми животными это подтверждаетъ. Органъ, не имѣющій примѣненія, устройство, не достигающее своей цѣли, являются противорѣчіемъ въ телеологическомъ ученіи о природѣ. Ибо, если мы отказываемся отъ этихъ основоположеній, то имѣемъ не закономерно, но безцѣльно дѣйствующую природу; и безутышный случай становится на мѣсто руководства разума.

Второе положеніе.

Въ человѣкѣ (какъ въ единственномъ разумномъ существѣ на землѣ) природныя задатки, покоящіяся на пользованіи разумомъ, развиваются полностью не въ индивидуумѣ, а въ родѣ. Разумъ является для существа способностью расширять за предѣлы природнаго инстинкта цѣли и правила употребленія всѣхъ его силъ и не знаетъ границъ своимъ стремленіемъ. Но онъ самъ вліяетъ не инстинктивно, а требуетъ упражненія и обученія, дабы отъ одной ступени предвидѣнія мало-по-малу подняться на слѣдующія. Поэтому, каждому человѣку нужно было бы неумѣренно долго жить для того, чтобы научиться, какимъ образомъ болѣе полно использовать свои естественныя дарованія; или, если природа установила только краткій срокъ для его земного существованія (какъ это въ дѣйствительности имѣетъ мѣсто), то ей нуженъ, быть-можетъ, необозримый рядъ поколѣній, которыя послѣдовательно передавали бы другъ другу свое просвѣщеніе, дабы, наконецъ, довести ея задатки въ нашемъ родѣ до той степени развитія, которая вполне соответствуетъ ея намѣреніямъ. И этотъ конечный моментъ долженъ, по крайней мѣрѣ, въ идеѣ человѣка, быть цѣлью его стремленій, ибо иначе природныя способности должны были бы большей частью разсматриваться какъ бесполезныя и безцѣльныя, что упразднило бы всѣ практическіе принципы и

въ силу этого позволило бы заподозрить природу, мудрость которой должна служить основаніемъ въ устройствѣ всѣхъ остальныхъ явленій въ томъ, что только съ человекомъ она сыграла дѣтскую игру.

Третье положеніе.

Природа хотѣла, чтобы человекъ все то, что слѣжитъ за предѣлами механическаго устройства его животнаго существованія, всецѣло произвелъ бы изъ себя и раздѣлялъ бы только то несчастіе и благо состояніе, которое онъ самъ создастъ, независимо отъ инстинкта, посредствомъ своего собственного разума.

Природа не дѣлаетъ ничего лишняго и не расгочительна въ пользованіи средствами для своихъ цѣлей. Такъ какъ она дала человеку разумъ и покоящуюся на немъ свободную волю, то это было уже яснымъ указаніемъ ея намѣренія въ отношеніи надѣленія его качествами. Она именно хотѣла, чтобы онъ не былъ руководимъ инстинктомъ или обезпеченъ и наученъ прирожденными званіями, но чтобы онъ скорѣе все произвелъ изъ себя. Нахожденіе крова, внѣшней безопасности и защиты (для чего она не дала ему ни бычачьихъ роговъ, ни львиныхъ когтей, ни собачьихъ зубовъ, но просто руки), всѣ развлеченія, могущія сдѣлать жизнь пріятной, даже его предусмотрительность и умъ, и даже доброта его и воли—все это должно быть исключительно дѣломъ его рукъ. Она, кажется, здѣсь сама пожелала соблюдать чрезвычайную бережливость, и ея животное надѣленіе такъ скупо, такъ строго рассчитано на необходимѣйшія потребности начинающагося существованія, точно она хотѣла, чтобы человекъ, въ когда онъ отъ первичной дикости возвысится до величайшей искусности, до внутренняго совершенства образа мыслей (поскольку это возможно на землѣ) и въ силу этого достигнетъ полного счастья,—чтобы онъ только самъ собралъ плоды своихъ трудовъ и былъ бы обязанъ ими только самому себѣ. Похоже на то, что она имѣла въ виду скорѣе его разумное, а не его въ немъ его благосостояніе. Ибо на этомъ пути человека ждутъ неисчислимыя затрудненія. Но кажется, что именно поэтому природѣ нужно было заботиться совсѣмъ не о наилучшемъ устройствѣ его жизни, а о доставленіи ему возможности достигнуть такой степени совершенства, когда онъ, благодаря своему поведенію, сдѣлается достойнымъ жизни и благоденствія. При этомъ остается всегда страннымъ, что старшія поколѣнія появляются только для того, чтобы свое трудное дѣло завѣщать слѣдующимъ за ними,—именно, чтобы приготовить ступень, отъ которой послѣдніе могли бы возводить выше зданіе, предначертанное природой, и чтобы только позднѣйшія имѣли счастье жить въ немъ, въ этомъ зданіи, ради котораго работали длинный рядъ предшественниковъ (хотя, конечно, не намѣренно), лишенныхъ возможности раздѣлять подготовленное ими счастье. Однако, какъ этотъ порядокъ ни кажется загадочнымъ, онъ является столь же необходимымъ, если развѣ навсегда признать, что одаренныя разумомъ животныя, которыя, какъ классъ разумныхъ существъ, смертны, но родъ которыхъ бессмертенъ, должны однажды все-таки достигнуть полного развитія своихъ способностей.

Четвертое положеніе.

Средство, которымъ природа пользуется для того, чтобы довести до надлежащаго состоянія развитіе всѣхъ своихъ дарованій—это антагонизмъ послѣднихъ въ обществѣ, постольку, поскольку онъ, въ концѣ концовъ, самъ становится причиной ихъ закономѣрнаго порядка.

Подъ антагонизмомъ я разумѣю здѣсь недоброжелательную общительность людей, т.-е. ихъ склонность вступать въ общество, связанную, однако, со сплошнымъ противодѣйствіемъ, угрожающимъ обществу разложеніемъ. Эта способность выпукло выступаетъ въ человѣческой природѣ. Человѣкъ имѣетъ склонность общаться съ себѣ подобными; ибо въ такомъ состояніи онъ себя чувствуетъ больше, чѣмъ человѣкомъ, т.-е. чувствуетъ развитіе своихъ природныхъ дарованій. Но ему также присуще сильное стремленіе уединяться (изолироваться); ибо онъ въ себѣ равнымъ образомъ находитъ необщительное свойство—желаніе дѣлать все по своему усмотрѣнію—и въ силу этого ожидаетъ отовсюду сопротивленія, такъ какъ онъ по себѣ знаетъ, что со своей стороны склоненъ противодѣйствовать другимъ. Именно это сопротивленіе пробуждаетъ всѣ силы человѣка, заставляетъ его преодолѣть природную лѣнь и, подъ вліяніемъ побужденій честолюбія, властолюбія или жадности, создать себѣ положеніе среди своихъ ближнихъ, которыхъ онъ не можетъ терпѣть, но безъ которыхъ онъ въ то же время не можетъ обойтись. Здѣсь начинаются первые истинные шаги отъ невѣжества къ культурѣ, которая собственно состоитъ въ общественной цѣнности человѣка. Здѣсь всѣ таланты мало-по-малу развиваются, вкусъ образовывается, и, благодаря успѣхамъ просвѣщенія, создается даже начало для основанія образа мыслей,—начало, которое примитивная естественная способность къ нравственному различенію можетъ современемъ превратить въ практическіе принципы и такое патологически-вынужденное общее согласіе въ жизни въ обществѣ, въ концѣ концовъ, претворить въ моральное цѣлое. Безъ этихъ самихъ по себѣ несимпатичныхъ свойствъ, порождающихъ противодѣйствіе,—на которое каждый неизбежно долженъ натолкнуться при своекорыстныхъ пріобрѣтеніяхъ,—при совершенномъ согласіи, умѣренности и взаимной любви, въ этой жизни аркадскихъ пастуховъ, всѣ таланты остались бы сокрытыми въ ихъ зародышахъ; люди, столь же кроткіе, какъ пасомыя ими овцы, едва ли сдѣлали бы свое существованіе болѣе достойнымъ, чѣмъ существованіе ихъ домашнихъ животныхъ; они не наполнили бы пустоту творенія въ отношеніи его цѣли, какъ разумной природы. Поэтому, да будетъ благословенна природа за неуживчивость, за завистливо-соревающее тщеславіе, за ненасытное желаніе имѣть, а также господствовать! Безъ нихъ превосходнѣйшія природныя дарованія человѣчества прозябали бы всегда неразвитыми. Человѣкъ хочетъ согласія, но природа лучше знаетъ, что для его рода хорошо; она хочетъ раздора. Онъ желаетъ жить въ покоѣ и умѣренности, но природа желаетъ, чтобы онъ вышелъ изъ состоянія безпечности и бездѣятельнаго довольства и отдался труду и страданіямъ, чтобы такимъ путемъ найти

средство разумнаго избавленія отъ нихъ. Такимъ образомъ, естественныя побудительныя причины, источники недоброжелательства и всепроникающаго противодѣйствія, обуславливающія столько бѣдствій, но безпрестанно побуждающія также человѣка къ новому напряженію силъ и, слѣдовательно, къ большому развитію естественныхъ способностей, прекрасно измѣняютъ устройство разумнаго творца; и здѣсь отнюдь не участвовала рука злого духа, который бы этотъ порядокъ кое-какъ сострепалъ въ своей чудесной мастерской или изъ зависти испортилъ.

Пятое положеніе.

Величайшая проолема для человѣческаго рода, къ разрѣшенію которой его принуждаетъ природа, — это достиженіе всеобщаго правового гражданскаго общежитія.

Такъ какъ только въ обществѣ — и именно въ такомъ, въ которомъ членамъ предоставляется наибольшая свобода, а слѣдовательно, не создается препятствій развитію всепроникающаго антагонизма и въ которомъ въ то же время границы этой свободы опредѣлены и обезпечены наиболѣе точно и полно, дабы она могла сосуществовать со свободой другихъ — такъ какъ только въ такомъ обществѣ можетъ быть достигнуто высшее предначертаніе природы — развитіе всѣхъ ея дарованій, заложенныхъ въ человѣчествѣ, — то природа хочетъ, чтобы эту цѣль, какъ и всѣ другія предначертенныя ему цѣли, оно само осуществило. И такое общество, въ которомъ свобода подъ охраной внѣшнихъ законовъ сочетается въ наивысшей степени съ непреодолимымъ принужденіемъ, т.-е. совершенное правовое гражданское устройство должно быть высшей задачей природы для человѣческаго рода, ибо природа только посредствомъ разрѣшенія и выполненія послѣдней можетъ достигнуть съ нашимъ родомъ остальныхъ своихъ намѣреній. Сверхъ того, вступать въ это состояніе неволи заставляеть людей, столь склонныхъ къ безудержной свободѣ, очень часто нужда; и именно величайшая изъ всѣхъ, именно та, которую люди другъ другу сами причиняють, — нужда, обусловленная наклонностями людей, не могущихъ въ дикой свободѣ долго уживаться совмѣстно. Однако, внутри такой ограды, какъ гражданскій союзъ, эти самыя человѣческія стремленія оказываютъ въ послѣдствіи наилучшія вліянія, подобно деревьямъ въ лѣсу, которыя, именно потому, что каждое старается отнять у другого солнце и воздухъ, взаимно вынуждаются искать этихъ благъ все выше и, стремясь въ высь, прибрѣтають красивый и прямой ростъ; между тѣмъ какъ деревья, растущія на свободѣ, вдали другъ отъ друга, производятъ свои стволы, какъ попало, и вырастають низкими, корявыми и кривыми. Вся культура и искусство, украшающія человѣчество, наилучшее общественное устройство суть плоды недоброжелательства, которое въ силу собственной природы неизбѣжно должно само дисциплинировать себя и такимъ образомъ, посредствомъ вынужденнаго искусства, развить въ совершенствѣ наши естественныя дарованія.

Шестое положеніе.

Эта проблема наиболее трудная и вмѣстѣ съ тѣмъ позднѣе всякой другой разрѣшается человѣческимъ родомъ.

Трудность, которую уже ясно показываетъ одна идея этой задачи, состоитъ въ слѣдующемъ: человѣкъ есть животное, которое, живя совместно съ другими представителями своего рода, нуждается въ господинѣ. Ибо онъ несомнѣнно злоупотребляетъ своей свободой по отношенію къ своимъ ближнимъ; и если онъ, какъ разумное существо, открыто желаетъ имѣть законы, которые точно указали бы границы свободы, то его животная своекорыстная склонность побуждаетъ его, гдѣ это ему нужно, самого себя исключать. Ему, такимъ образомъ, необходимъ господинъ, который сломилъ бы его собственную волю, заставляя его подчиняться общепризнанной волѣ, проявленіе которой никому не препятствуетъ быть свободнымъ. А гдѣ можетъ онъ найти себѣ этого повелителя? Только въ своей же средѣ. Но этотъ избранникъ точно также животное, нуждающееся въ господинѣ. Итакъ, какъ бы онъ ни поступалъ въ данномъ случаѣ, — поручить ли онъ верховную власть одному или собранію многихъ избранныхъ для этой цѣли людей, — невозможно предвидѣть, какъ онъ создастъ себѣ главу публичнаго правосудія, который былъ бы самъ справедливъ. Вѣдь каждый облеченный властью будетъ злоупотреблять своей свободой, когда онъ самъ не будетъ подчиненъ никакому законѣрному авторитету. А вождь долженъ быть самъ по себѣ справедливымъ и въ то же время человѣкомъ. Эта задача поэтому труднѣйшая изъ всѣхъ, ея совершенное разрѣшеніе даже невозможно; изъ столь нестройнаго лѣса, какъ тотъ, который представляетъ собой человѣчество, нельзя сдѣлать ничего прямого. Только приближеніе къ этой идеѣ природа сдѣлала для насъ доступнымъ 1).

Что эта проблема подлежитъ разрѣшенію позднѣе всѣхъ, вытекаетъ еще изъ того, что для этого требуется правильное понятіе о природѣ возможнаго государственнаго устройства, большой, въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ приобрѣтенный опытъ и, сверхъ всего этого, добрая воля, подготовленная принять такой порядокъ вещей. А сочетаніе этихъ трехъ элементовъ совершается чрезвычайно трудно и могло бы имѣть мѣсто лишь очень поздно, послѣ многихъ тщетныхъ попытокъ.

Седьмое положеніе.

Проблема созданія совершеннаго гражданскаго устройства находится въ зависимости отъ задачи установленія законѣрныхъ внѣшнихъ политическихъ отношеній и безъ разрѣшенія послѣдней не можетъ быть разрѣшена.

1) Роль человѣка, такимъ образомъ, весьма искусственна. Какъ обстоитъ дѣло съ обитателями другихъ планетъ и ихъ природы, мы не знаемъ; но, если бы мы это порученіе природы хорошо выполнили, то могли бы себя утѣшать тѣмъ, что среди нашихъ сосѣдей во вселенной имѣли бы право занять не послѣднее положеніе. Можетъ быть, у нихъ каждый индивидуумъ въ теченіе своей личной жизни достигаетъ полностью своего предназначенія. У насъ не такъ; только родъ можетъ на это надѣяться.

Что толку работать въ цѣляхъ закономѣрнаго гражданскаго устройства отдѣльныхъ людей, т.-е. въ интересахъ упорядоченія общественнаго существа? Та же недоброжелательность, которая побуждаетъ людей объединяться, является также причиной, благодаря которой каждый общественный организмъ во внѣшнихъ отношеніяхъ, т.-е. какъ государство въ отношеніи къ другимъ государствамъ, остается въ безудержной свободѣ; слѣдовательно, они должны ожидать другъ отъ друга такихъ же несправедливостей, какъ тѣ, которыя притѣсняютъ отдѣльныхъ людей и заставляютъ ихъ вступать въ закономѣрное гражданское состояніе. Природа, такимъ образомъ, опять использовала человѣческую неуживчивость даже большихъ обществъ и государственныхъ тѣлъ, этихъ своего рода существъ, какъ средство, чтобы на почвѣ неизбежнаго антагонизма послѣднихъ создать состояніе покоя и безопасности; другими словами, она посредствомъ войнъ и напряженнаго, никогда не ослабѣвающаго подготовленія къ нимъ, посредствомъ нужды, которая въ силу этого должна даже въ мирное время ощущаться внутри каждаго государства, побуждаетъ сначала къ несовершеннымъ попыткамъ, но, наконецъ, послѣ многихъ опустошеній, разрушеній и даже сплошнаго внутренняго истощенія силъ, къ тому, что разумъ могъ бы подсказать и безъ столь глубоко-печальнаго опыта, именно: выйти изъ состоянія беззаконія дикихъ и вступить въ союзъ народовъ, гдѣ каждое, даже самое маленькое государство могло бы ожидать своей безопасности и правъ не отъ своихъ собственныхъ слабыхъ силъ, или собственнаго правильнаго сужденія, но исключительно отъ великаго народнаго союза (*Foedus Amphictyonum*), отъ объединенной мощи и отъ рѣшенія согласно законамъ объединенной воли.

Какъ бы фантастической ни казалась эта идея и какъ бы она ни высмѣивалась въ лицѣ аббата Сенъ-Пьера или Руссо (можетъ быть, потому, что они вѣрили въ слишкомъ близкое ея осуществленіе), это, однако, неизбежный выходъ изъ нужды, въ которую люди взаимно другъ друга толкаютъ и которая заставляетъ государства принять именно то рѣшеніе (съ какими бы трудностями это для нихъ ни было сопряжено), къ которому дикій человѣкъ былъ точно также вынужденъ поневолѣ прибѣгнуть, именно: пожертвовать своей животной свободой и искать покоя и безопасности въ закономѣрномъ государственномъ устройствѣ.

Съ этой точки зрѣнія всѣ войны являются только многочисленными попытками (правда, не вслѣдствіе намѣренія человѣка, но по замыслу природы) довести до надлежащаго состоянія новыя отношенія между государствами и посредствомъ разрушенія или, по меньшей мѣрѣ, подавленія всѣхъ образовать новыя тѣла, которыя, однако, опять—либо въ силу внутренняго разлада, либо вслѣдствіе внѣшнихъ международныхъ распрей—не могутъ продолжать свое существованіе и потому должны претерпѣвать новые аналогичные перевороты до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, отчасти благодаря возможно наилучшему внутреннему устройству гражданскаго общежитія, отчасти же благодаря внѣшнему международному законодательству и взаимнымъ договорамъ государствъ, не будетъ достигнуто состояніе, которое, подобно гражданскому общественному организму, сможетъ, какъ автоматъ, самостоятельно существовать.

Въ какой бы плоскости мы ни разсматривали этотъ вопросъ: будемъ ли ожидать этотъ конечный результатъ отъ эпипурейскаго стеченія производящихъ

причинъ, благодаря которымъ государства, какъ мельчайшія частицы матеріи, въ силу ихъ случайнаго столкновенія, будутъ подвергаться всевозможнымъ образованіямъ, которыя вслѣдствіе новыхъ столкновеній вновь будутъ разрушены, покуда, наконецъ, одно изъ подобныхъ образованій случайно когда-нибудь удастся и сохранить свою форму (счастливый случай, на который врядъ ли можно сколько-нибудь рассчитывать!); будемъ ли допускать, что природа осуществляетъ здѣсь предначертанный точный планъ—возвести нашъ родъ постепенно отъ низшаго животнаго до наивысшаго человѣческаго состоянія, именно, посредствомъ собственнаго, хотя и вынужденнаго, искусства человѣка—и въ этомъ кажущемся дикомъ безпорядкѣ развивается вполнѣ правильно свои изначальныя дарованія; или пожелаемъ лучше принять, что въ итогѣ отъ совокупности всѣхъ этихъ вліяній и противовліяній людей вообще ничего, по крайней мѣрѣ разумнаго, не можетъ произойти, что все останется, какъ было раньше, и что поэтому нельзя заранѣе сказать, не подготовить ли намъ, въ концѣ концовъ, несогласіе, столь естественное для нашего рода, еще въ подобномъ нашему нравственному состояніи, адъ кромѣшный, полный страданій, именно тѣмъ, что человѣчество, быть можетъ, само это состояніе и всѣ достигнутые до настоящаго времени успѣхи культуры вновь уничтожить варварскимъ опустошеніемъ (судьба, противъ которой, при господствѣ слѣпотаго случая, нельзя устоять и которая на дѣлѣ, если ей не приписать тайнаго руководящаго намѣренія, связаннаго съ мудростью природы, то же, что и анархическая свобода!); — во всякомъ случаѣ, невольно напрашивается вопросъ: разумно ли признавать устройство природы цѣлесообразнымъ въ частяхъ и безцѣльнымъ въ цѣломъ?

Итакъ, то, что совершаетъ безначальное состояніе дикаго, задерживающее развитіе всѣхъ природныхъ способностей нашего рода, но, въ концѣ концовъ, черезъ бѣдствія, которыя оно ему причиняетъ, заставляющее его выйти изъ этого состоянія и вступить въ законмѣрное гражданское общежитіе, гдѣ всѣ естественные зародыши могли бы развиваться,—то же самое дѣлаетъ и варварская свобода уже образовавшихся государствъ, именно: вслѣдствіе употребленія всѣхъ силъ общественнаго существа на вооруженіе, вслѣдствіе опустошеній, вызываемыхъ войной, еще въ большей степени въ силу необходимости быть всегда къ ней готовымъ,—хотя совершенное развитіе природныхъ дарованій и задерживается въ своемъ поступательномъ ходѣ,—бѣдствія, отсюда вытекающія, въ союзѣ съ благотворнымъ взаимнымъ противодѣйствіемъ многихъ сосѣднихъ государствъ, обусловленнымъ ихъ свободой, принуждаютъ нашъ родъ найти законъ равновѣсія и объединенную силу для поддержанія его авторитета, слѣдовательно, создать всеобщее состояніе публичной государственной безопасности.

Это состояніе не является, однако, необходимо устойчивымъ, ибо, при отсутствіи всякой опасности, силы человѣчества были бы усыплены. Но оно безусловно должно быть основано на принципѣ равенства взаимныхъ вліяній и противовліяній государствъ, дабы усиленіе одного на счетъ другихъ не могло имѣть мѣста.

До совершенія этого послѣдняго шага, образованія союза государствъ, слѣдовательно, почти на полпути къ ея полному совершенствованію, человѣческая природа претерпѣваетъ наиболѣе тяжелыя испытанія при кажущемся вѣдшемъ

благополучіи. И Руссо не былъ совсѣмъ неправъ, ставя примитивное состояніе выше культурнаго; ибо такое мнѣніе невольно создается, коль скоро упускаютъ изъ виду послѣднюю ступень, на которую нашему роду еще предстоитъ подняться. Мы въ высокой степени просвѣщены искусствомъ и наукой. Мы до излишества цивилизованы въ отношеніи всевозможныхъ общественныхъ учтивостей и приличій. Но для того, чтобы считать насъ нравственно совершенными, намъ еще многого недостаетъ. Ибо идея нравственности относится еще къ культурѣ; но примѣненіе этой идеи, которое выражается нравственнымъ элементомъ въ честолубіи и внѣшней пристойности, сводится на нѣтъ цивилизаціей. Покуда государства тратятъ всѣ свои силы на достиженіе своихъ суетныхъ и насильственныхъ завоевательныхъ стремленій и въ силу этого непрерывно затрудняютъ медленную работу внутренняго совершенствованія образа мыслей своихъ гражданъ, лишая ихъ даже всякаго содѣйствія въ этомъ направленіи,—никакого нравственного улучшенія нельзя ожидать. Для этого необходима долгая внутренняя обработка каждаго общественнаго существа, дабы сдѣлать его способнымъ воспитать своихъ гражданъ. А все доброе, которое не покоится на нравственно-добромъ убѣжденіи, одна только видимость и позлащенная нищета. Въ такомъ положеніи родъ человѣческой останется до тѣхъ поръ, покуда онъ не выйдетъ, указаннымъ нами путемъ, изъ хаотическаго состоянія своихъ государственныхъ отношеній.

Восьмое положеніе.

Исторію человѣческаго рода въ цѣломъ можно разсматривать, какъ выполненіе тайнаго плана природы—осуществить внутреннее—и для этой цѣли также внѣшнее—совершенное государственное устройство, какъ единственное состояніе, въ которомъ она можетъ наиболѣе полно развить всѣ ея дарованія, заложенныя въ человѣчествѣ.

Это положеніе есть слѣдствіе предыдущаго. Мы видимъ, что философія также можетъ имѣть свой хиліазмъ, но такой, для проведенія котораго ея идея можетъ оказать, хотя весьма отдаленное, но вѣрное содѣйствіе и который все же не менѣе фантастиченъ, чѣмъ религіозный.

Вопросъ только въ томъ, открываетъ ли опытъ что-нибудь о такомъ ходѣ предначертанія природы. Я говорю что-нибудь; ибо этотъ круговой оборотъ долженъ, кажется, потребовать для своего завершения столь много времени, что изъ той малой части, которую человечество прошло въ этомъ направленіи, можно такъ же неувѣренно составить себѣ представленіе обо всемъ пути и объ отношеніи части къ цѣлому, какъ на основаніи всѣхъ произведенныхъ до настоящаго времени небесныхъ наблюдений опредѣлить движеніе, совершаемое нашимъ солнцемъ совмѣстно со всѣмъ множествомъ своихъ спутниковъ въ великой системѣ неподвижныхъ звѣздъ, несмотря на то, что общее основаніе истематическаго устройства вселенной и незначительное количество уже сдѣланныхъ наблюдений все же достаточно убѣдительно, чтобы заключить о дѣйствительности такого круговаго обращенія. Къ тому же, въ силу свойственной человѣку пытливости, онъ не можетъ оставаться равнодушнымъ даже къ отдален-

вѣйшей эпохѣ, въ которую еще будетъ существовать нашъ родъ, если она можетъ быть съ увѣренностью ожидаема. Въ особенности, въ нашемъ случаѣ она можетъ насъ тѣмъ болѣе интересовать, что мы могли бы, кажется, посредствомъ нашего собственнаго разумнаго устройства приблизить наступленіе этого столь радостнаго для нашихъ потомковъ момента. Поэтому, для насъ самихъ весьма важны слабыя признаки его приближенія.

Въ настоящее время государства находятся уже въ такомъ искусственномъ взаимномъ состояніи, что ни одно не можетъ отстать во внутренней культурѣ безъ того, чтобы не потерять въ силѣ и вліяніи по сравненію съ другими. Такимъ образомъ, сохраненіе этой цѣли природы, гдѣ этому не способствуютъ успѣхи просвѣщенія, все-таки надлежащимъ образомъ обезпечивается даже честолюбивыми стремленіями государствъ. Далѣе, гражданская свобода теперь точно также не можетъ быть нарушена безъ того, чтобы послѣдствія такого акта не отразились вредно на всемъ хозяйствѣ страны, и въ особенности на торговлѣ, а въ силу этого государство не можетъ не почувствовать ослабленія своего международнаго значенія. Эта свобода постепенно прогрессируетъ. Когда препятствуютъ гражданину устроить свое благополучіе наиболѣе желательнымъ ему самому способомъ, который долженъ быть совмѣстимъ со свободой другихъ, то этимъ самымъ лишаютъ жизненности всеобъемлющее производство и опять-таки уменьшаютъ силы цѣлаго. Поэтому, ограниченіе личности въ ея дѣятельности все болѣе упраздняется, всеобщая свобода въ роисповѣданія все болѣе распространяется. И, такимъ образомъ, мало-по-малу, преодолевая заблужденія и причуды, возникаетъ просвѣщеніе, какъ великое благо, которое человѣческой родъ извлекаетъ даже изъ своекорыстнаго стремленія увеличивать свое господство, если онъ только понимаетъ свою собственную выгоду.

Но это просвѣщеніе, а вмѣстѣ съ нимъ и извѣстное сердечное участіе, которое просвѣщенный человѣкъ не можетъ не принять въ добръ, которое онъ вполне понимаетъ, должно постепенно подниматься вплоть до трона и имѣть вліяніе даже на принципы государственнаго управленія. Хотя, напримѣръ, наши міровые повелители теперь не находятъ свободныхъ средствъ для открытія общедоступныхъ воспитательныхъ учрежденій и, въ особенности, для всего того, что касается общаго блага, ибо все поглощается военными бюджетами въ ожиданіи грядущей войны,—они, тѣмъ не менѣе, увидятъ свою собственную выгоду въ томъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, не препятствовать самостоятельнымъ посильнымъ стараніямъ своихъ народовъ въ этомъ направленіи. Наконецъ, сама война постепенно становится не только искусственной и сомнительной по ея исходу для обѣихъ враждующихъ сторонъ, но,—въ виду болѣзненныхъ послѣдствій, которыя государства испытываютъ подъ давленіемъ постоянно растущаго долговаго бремени (новое открытіе), платежи по которому не поддаются учету,—также сознательнымъ предпріятіемъ, причѣмъ вліяніе, которое разстройство каждаго государства оказываетъ въ нашей, благодаря своей промышленности, столь тѣсно спаянной части свѣта, на другія государства, такъ замѣтно, что послѣднія, движимыя угрожающей имъ самимъ опасностью, обращаются, правда, не систематически, къ третейскому суду. И, такимъ образомъ, постепенно и исподволь подготавливаются будущія великія государственныя тѣла, примѣра которыхъ мы не находимъ въ древнемъ мірѣ.

Хотя въ настоящее время подобное государственное тѣло представляется въ весьма еще грубыхъ очертаніяхъ, тѣмъ не менѣе, всѣ члены, имѣющіе въ будущемъ его составить, уже какъ-будто проникаются сознаниемъ необходимости въ интересахъ каждаго сохраненія цѣлаго. И это обстоятельство позволяетъ надѣяться, что послѣ многихъ насильственныхъ преобразованій, наконецъ, осуществится то, что природа намѣтила своей высшей цѣлью,—именно, всеобщее міровое гражданское состояніе, какъ оно, въ которомъ всѣ первичныя способности человѣческаго рода полностью разовьются.

Девятое положеніе.

Философская попытка обработать всеобщую міровую исторію согласно плану природы, предполагающему совершенное гражданское объединеніе человѣческаго рода, должна разсматриваться, какъ возможная и даже полезная для этого замысла природы.

Правда, составлять исторію, исходя изъ идеи, что извѣчныя міровыя событія должны были бы происходить въ опредѣленномъ порядкѣ, если бы они совершались сообразно извѣстнымъ разумнымъ цѣлямъ, является страннымъ и, повидимому, нелѣпымъ намѣреніемъ; кажется, что на такомъ фундаментѣ можно построить только романъ. Если же, однако, нужно допустить, что природа даже въ проявленіяхъ человѣческой свободы дѣйствуетъ не безъ плана и конечныхъ предначертаній, то эта идея могла бы вѣдь весьма пригодиться; и если мы теперь слишкомъ близоруки для того, чтобы проникнуть взоромъ въ тайный механизмъ ея устройства, то, руководствуясь этой идеей, мы могли бы все-таки безпорядочное сцѣпленіе человѣческихъ дѣйствій, по крайней мѣрѣ, въ цѣломъ, представить, какъ систему. Ибо, если начать отъ греческой исторіи, какъ отъ той, благодаря которой всякая другая, болѣе древняя или современная ей, могла быть сохранена, или, по меньшей мѣрѣ, удостоверена¹⁾; если прослѣдить вліяніе грековъ на образованіе и уродованіе государственнаго тѣла римскаго народа, поглотившаго греческое государство, и вліяніе римлянъ на варваровъ, въ свою очередь разрушившихъ могущество Рима, и такъ далѣе вплоть до нашего времени, причемъ, однако, государственную исторію другихъ народовъ—поскольку свѣдѣнія о нихъ мало-по-малу дошли до насъ именно черезъ эти просвѣщенные націи—разсматривать, какъ эпизодъ, то для нашей части свѣта (которая, вѣроятно, явится законодательницей для всѣхъ другихъ) будетъ открытъ правильный ходъ улучшенія государственнаго устройства.

¹⁾ Только образованное общество, которое съ момента своего зарожденія до нашего времени непрерывно существовало, можетъ удостовѣрить древнюю исторію. За предѣлами этого общества все—terra incognita, и исторія народовъ, жившихъ внѣ его сферы вліянія, можетъ начаться только съ того времени, когда они въ нее вступили. Это случилось съ еврейскимъ народомъ въ эпоху Птоломеевъ, благодаря греческому переводу Библии, безъ котораго придавали бы мало значенія ихъ изолированнымъ сообщеніямъ. Отсюда (когда это начало предварительно разузнано) можно слѣдовать далѣе за ихъ разказами. И такъ со всеми другими народами. Первая страница Фукидида, говоритъ Юмъ, единственное начало всѣхъ истинныхъ исторій.

Если при этомъ, далѣе, повсемѣстно обращать вниманіе только на гражданскую организацію, на ея законы и внѣшнія политическія отношенія,—постольку, поскольку эти учрежденія, благодаря своимъ достоинствамъ, въ теченіе долгаго времени способствовали возвышенію и облагораживанію народовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, также развитію наукъ и искусствъ, вслѣдствіе же свойственныхъ имъ пороковъ обуславливали ихъ новое паденіе, однако, такъ, что всегда оставался зародышъ просвѣщенія, который, развиваясь все болѣе послѣ cadaго переворота, подготовлялъ высшую ступень культуры,—то, какъ я полагаю, будетъ найдена путеводная нить, которая сможетъ послужить не только для объясненія столь неясной картины человѣческой дѣятельности или для политическаго разгадыванія будущихъ государственныхъ измѣненій (польза, которую уже нѣкогда извлекли изъ исторіи человечества, когда ее разсматривали, какъ несвязное вліяніе произвольной свободы), но (на что, не предполагая плана природы, нельзя рассчитывать) также для поднятія завѣсы съ будущаго. Она дастъ утѣшительную и бодрящую надежду, позволяя проникать взоромъ въ отдаленнѣйшую отъ насъ эпоху, гдѣ человѣческій родъ представляется достигшимъ, наконецъ, того состоянія, когда всѣ его природные задатки могутъ полностью развиваться и его назначеніе на землѣ можетъ быть выполнено.

Такое оправданіе природы или, вѣрнѣе, Провидѣнія является далеко не маловажною побудительной причиною избрать особую точку зрѣнія въ разсматриваніи міра. Ибо, что толку прославлять великолѣпіе и мудрость творенія въ неразумномъ царствѣ природы и внушать благоговѣніе къ нему, когда часть великой картины проявленія высшей мудрости, являющаяся цѣлью всего творенія—исторія человѣческаго рода—должна остаться, напротивъ, непрерывнымъ противорѣчіемъ, которое заставляетъ насъ невольно отворачивать отъ нея глаза, причемъ сомнѣніе найти здѣсь когда-либо конечное разумное намѣреніе приводитъ насъ къ мысли, что разгадать эту тайну можно надѣяться только въ загробномъ мірѣ?

Предположеніе, что я этой идеей міровой исторіи, имѣющей, нѣкоторымъ образомъ, путеводную нить аргіогі, хотѣлъ вытѣснить обработку чисто эмпирически составленной исторіи въ собственномъ смыслѣ слова, было бы невѣрнымъ истолкованіемъ моего намѣренія. Это только мысль о томъ, что философскій умъ (который, кромѣ того, долженъ былъ бы быть весьма свѣдущъ въ исторіи) могъ бы попытаться сдѣлать, отправляясь отъ другой точки зрѣнія. Сверхъ того, эта нѣкогда превозносимая обстоятельность, которой отличаются и новѣйшія работы по современной исторіи, естественно должна навести cadaго на размышленія о томъ, какъ наши позднѣйшіе потомки начнутъ разрабатывать громоздкій историческій матеріалъ, который мы имъ такимъ образомъ, спустя нѣсколько вѣковъ, могли бы оставить. Безъ сомнѣнія, въ исторіи древнѣйшаго времени, свѣдѣнія о которомъ должны будутъ для нихъ быть издавна забытыми, они будутъ цѣнить только то, что представитъ для нихъ непосредственный интересъ, именно, что сдѣлали или уничтожили народы и правительства въ міровомъ смыслѣ. А возможность обратить на это вниманіе честолюбивыхъ верховныхъ правителей государствъ, равно какъ ихъ подчиненныхъ, дабы направить ихъ къ единственному средству оставить о себѣ неувядаемую славную память, можетъ еще кромѣ того послужить маленькимъ толчкомъ для попытки создать такую философскую исторію.